

Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев

18—19 июля 2009 г. в крупнейшем городе Новой Зеландии Окленде состоялась международная научная конференция по проблемам зарубежной китайской диаспоры. Ее организаторами выступили Ассоциация новозеландских китайцев Окленда и Международное общество по изучению зарубежных китайцев (ISSCO — International Society for the Study of Chinese Overseas). Непосредственную работу по подготовке конференции провела Школа азиатских исследований Университета Окленда во главе с профессором Ип Маньин.

Официальная тема конференции — “Поднимающиеся драконы, летящие ввысь бананы”. Эта метафора призвана привлечь внимание одновременно как к развивающимся “материнским” китайским сообществам, представленным КНР, Тайванем, Гонконгом и Макао и символизируемым драконами, так и к зарубежным китайцам, часть которых, проживающая в странах со значительным белым населением, в последнее время в шутку нередко называет себя “бананами”, тем самым подчеркивая свою новую идентичность, сочетающую унаследованную “китайскость” и приобретенную ориентацию на систему ценностей принимающих сообществ.

Прошлое, настоящее и будущее зарубежной китайской диаспоры в целом явилось одним из основных предметов анализа на конференции в Окленде. Как отметил Питер Ли (Канада), существует несколько вариантов периодизации истории формирования и развития феномена зарубежной китайской диаспоры. Такие китайские ученые, как Чжуан Готу и Чэнь Бишэн, датируют ее возникновение первыми веками второго тысячелетия нашей эры и увязывают с деятельностью миссионеров — конфуцианцев и буддистов, с торговой, а позже и с ремесленной активностью китайцев. В то же время Ван Гунъу (Сингапур) полагает, что до конца правления династии Мин у китайцев не было интереса к окружающим странам, и реально диаспора стала формироваться позже — в XVII—XIX веках. До 1883 г. находившихся за рубежом китайцев называли по-разному: “хуаминь”, “хуажэнь”, “хуагун”. В 1883 г. появился термин “хуацяо”, который быстро обрел популярность и стал наиболее употребительным. В первой половине XX в. в среде находившихся за рубежом китайцев были весьма сильны патриотические настроения, ориентация на политическую и финансовую поддержку Китая. В целом до середины XX столетия зарубежные китайцы исходили, по крайней мере теоретически, из временного характера своего пребывания за границей и ориентировались на возвращение в конечном счете на историческую родину. После образования в 1949 г. КНР вопрос о массовом возвращении хуацяо в Китай отпал, утратил реальность. Большинство лиц китайского происхождения стали гражданами других стран. Можно сказать, что именно тогда и началось формирование феномена “зарубежных китайцев” (overseas Chinese) в его совре-

менном виде. По имеющимся оценкам, их численность с 11 млн чел. в 1955 г. увеличилась до 19 млн чел. в 1980 г. и до 35 млн чел. в 2000 г. В 2007 г. в мире насчитывалось около 39 миллионов зарубежных китайцев, в т.ч. в Азии 29,5 млн, в Америке около 7,2 млн, в Европе 1144 тыс. чел., в Океании 868 тыс., в Африке 219 тыс. чел. По сравнению с 1950-ми гг. доля хуацяо, сосредоточенная в Азии, ныне заметно упала — с 96% до 76%, а тех, кто осел в Америке, существенно возросла — с 2 до 18%. При этом, как отметил Лео Сурьядината (Индонезия), в настоящее время около 80% мигрантов из Китая следует в такие развитые страны, как США, Австралия и Новая Зеландия, и только 20% — в Юго-Восточную Азию.

Питер Ли прогнозирует увеличение лиц китайского происхождения в Америке до 9 млн чел. в 2020 г. и до 13 млн чел. в 2040 г., а в Азии, соответственно, до 32 и 38 млн чел. К 2040 г., по его оценке, количество лиц китайского происхождения в Европе возрастет до 2 млн чел. в Океании — до 2,5 млн и в Африке — до 1 млн чел. В целом же зарубежная китайская диаспора может вырасти до 44 млн чел. в 2020 г. и до 55 млн чел. в 2040 г.

Хотя значительную часть современных мигрантов из КНР составляют, как и ранее, представители профессий, не требующих высокого уровня образования, например, торговцы и строители, однако доля высокообразованных специалистов быстро растет. Так, в Гонконге действует специальная программа приглашения “тангантов и профессионалов” из КНР. Привлекательность Гонконга для китайских и в целом международных мигрантов обеспечивается, по свидетельству Виктора Чжэна, хорошими карьерными перспективами, высоким уровнем общественного порядка и законопослушания граждан. Однако Гонконгом дело не ограничивается. По мнению Йоу Ит-сена (Yit-Seng Yow), ныне китайские человеческие ресурсы распространяются по всему миру столь же быстро, как и продукция, изготовленная в Китае.

Как отметила в докладе “Зарубежные китайцы в новом глобальном мире” Либби Вонг — писательница, предприниматель и бывший член Законодательного совета Гонконга, в целом есть все основания считать зарубежную китайскую диаспору успешным сообществом. Зачастую зарубежным китайцам пришлось пройти через тяжелейшие испытания. Достаточно сказать, что в начале XX в. практически во всех англоговорящих странах были приняты Акты об исключении китайцев. В Новой Зеландии лица китайского происхождения облагались подушным налогом, ставки которого неуклонно повышались, достигнув фактически запретительного уровня (в 2002 г. правительство Новой Зеландии принесло извинения китайской общине за гонения в начале XX в.). Враждебная среда усиливалась среди китайцев настрой на взаимную поддержку, особенно применительно к членам семьи и землякам. В настоящее время зарубежная китайская диаспора стала намного более разнородной. Появились такие полусушительные аббревиатуры, как “эй би си” — American-borned Chinese (китайцы, рожденные в Америке; в первоначальном смысле аббревиатура, состоящая из первых трех букв английского алфавита, подразумевала именно алфавит, азбуку, прописные истины) и “би би си” — “British-borned Chinese”, то есть китайцы, рожденные в Великобритании (изначально Би Би Си — ведущая радиовещательная корпорация Соединенного Королевства). Однако, полагает Либби Вонг, при всем разнообразии зарубежных китайцев их отличает общее понимание необходимости “уважать право каждого на человеческое достоинство и доверять друг другу”. Секрет же

успеха китайской диаспоры заключается в ее высокой способности достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям.

Неизменно значимым остается вопрос об идентичности зарубежных китайцев, о соотношении в их ментальности унаследованной “*китайскости*” и благоприобретенной той или иной “*инакости*”, формируемой прежде всего условиями конкретной страны проживания. Для многих лиц китайского происхождения новая идентичность, связанная с гражданством, не менее важна, чем общность по крови. В этом плане весьма примечателен адресованный исследователям китайской диаспоры призыв Тереситы Анг Си (Филиппины) “разоблачать миф о том, будто этнические китайцы за рубежом формируют некий третий Китай” (то есть, помимо КНР и Тайваня). Весьма популярным остается обобщенный взгляд на зарубежных китайцев как на своеобразный мост, связывающий в глобальном мире китайские сообщества и страны, принимавшие или принимающие выходцев из “китайского мира”. Между тем проблема идентичности, похоже, все чаще решается на индивидуальном уровне. Такое бывало и в истории, но скорее в качестве исключения, а не правила. Например, в докладе Лоуэллы Чэн (Гонконг) была прослежена история детей от одного из смешанных китайско-европейских браков в Гонконге на рубеже XIX—XX вв., в которой три брата выбрали китайскую идентичность, а четвертый—европейскую, включая и европейское имя. Можно констатировать, что в настоящее время лица китайского происхождения “старой волны”, сохранив язык и ориентацию на китайскую культуру, все же существенно отличаются по манере поведения и общему мировоззрению от большинства новых китайских мигрантов.

Обретает популярность изучение проблем взаимоотношений китайских мигрантов с туземными народами (первообитателями), в т.ч. с маори в Новой Зеландии (доклад Найджела Мерфи) и с индейскими племенами в Британской Колумбии (доклад Хэйна Вая, Канада).

Часть докладов была посвящена особенностям истории и современного этапа функционирования китайской диаспоры в ряде конкретных стран, в т.ч. в ЮАР (Карен Харрис, Претория, ЮАР), Камбодже (Джеймс Чин, Гонконг), на Кубе (Мэри-Эллис Уотерс, США), в Австралии (Кристин Инглис, Австралия), Республике Корея (Чон Юн Рок, Сеул, Республика Корея), России (В. Портяков). Детально проанализировав деятельность китайской диаспоры в Экваториальной Гвинее, где в течение трех лет, начиная с 2006 г., ее численность увеличилась с 200 до 5 тыс. чел., Марио Эстебан (Мадрид, Испания) пришел к выводу о смешанном типе реакции на нее местного населения. С одной стороны, рядовые граждане приветствуют приток достаточно дешевых товаров и услуг китайского происхождения (продовольствие, ширпотреб, частные клиники, ремонтные мастерские и т.п.). В то же время в строительстве и сельском хозяйстве китайская рабочая сила составляет конкуренцию местным работникам и, соответственно, вызывает определенную негативную реакцию.

Конференция в Окленде дала старт давно напрашивавшемуся сравнительному анализу миграционных потоков из Китая и Индии и зарубежных китайской и индийской диаспор. Карен Харрис проанализировала сходство и различие политики южноафриканских государств по отношению к китайским и индийским рабочим в конце XIX — начале XX в. В 1860—1911 гг. Наталь ввез свыше 152 тысяч индийцев для работы на сахарных плантациях, а в 1904—1910 гг. Трансвааль ввез около 64 тысяч китайцев для работы в золотодобывающих шахтах. В обоих случаях выезд из своей страны на заработки был вынужденным и

объяснялся голодом, стихийными бедствиями, политическим неурядицами в Китае и Индии. Вместе с тем, особенности использования принудительного труда индийцев и китайцев оказали глубокое влияние на формирование различий в последующей политике Южно-Африканского Союза, а затем ЮАР, в отношении лиц индийского и китайского происхождения.

Вэй Ли (Тусон, США) работает над проектом по сопоставлению современной китайской и индийской международной миграции. В частности, в США по состоянию на 2006 г. этнические китайцы (1,9 млн чел.) и индийцы (1,5 млн чел.) являлись соответственно второй и четвертой по численности этническими группами лиц, родившихся за пределами страны. И китайская, и индийская диаспоры достаточно уверенно перемещаются в системе разделения труда в США с первоначально периферийных позиций на базовые, опорные (backbone).

Судя по докладам участников конференции из Окленда, в целом неплохо складываются дела и у китайцев, осевших в Новой Зеландии. Таковых в настоящее время свыше 147 тыс. чел. Порядка 40 тыс. чел. составляет старая диаспора, представленная выходцами из Гуандуна. Остальные — новая волна, начавшаяся в 1986 г., в основном из КНР. Значительную часть оседающих в Новой Зеландии китайцев составляют окончившие обучение в стране студенты и их родственники. Новая Зеландия, страдающая от *“утечки мозгов”*, нуждается в постоянной подпитке своего интеллектуального потенциала. Наряду с белыми переселенцами из ЮАР свою лепту здесь вносят и китайцы. Благосклонному отношению властей к китайской иммиграции способствует то обстоятельство, что Новая Зеландия в последнее время позиционирует себя как мультикультурное общество. 10% населения страны имеет азиатское происхождение, а 23% новозеландцев родились вне ее территории. Причины высокой конкурентоспособности китайцев в Новой Зеландии демонстрирует и повседневная жизнь. Если в большинстве мелких магазинчиков Окленда любые разновидности фруктов продаются по доллару за штуку (новозеландский доллар составляет примерно две трети американского), то в китайских овощных магазинах за тот же доллар можно купить существенно больше, например, вплоть до килограмма яблок. Сувенирные майки, произведенные в Новой Зеландии, втрое дороже практически таких же, но изготовленных в Китае.

Вместе с тем, не все получившие вид на жительство китайцы закрепляются в Аотероа — “Стране длинного белого облака”, как называется Новая Зеландия на языке первопоселенцев маори. Какая-то их часть рассматривает Новую Зеландию как пересадочную станцию и эмигрирует в третьи страны. В последнее время растет, судя по докладу Салли Лю, и возвратная миграция в КНР. Помимо того обстоятельства, что для многих новых мигрантов Китай является домом, где нередко остались родители, а то и собственная семья, свое воздействие оказывают возросшая мощь китайской экономики и предоставление властями КНР хороших материальных условий и карьерных возможностей возвращающимся из-за границы ученым и выпускникам вузов.